

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Гриша Добросклонов

«Доброе время — добрые песни» — заключительная часть последней главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Именно устремленность в будущее многое объясняет в этой главе, не случайно названной «Песни», потому что в них вся ее суть. Здесь появляется и человек, эти песни сочиняющий и поющий, — Гриша Добросклонов. Образ Гриши одновременно и очень реальный, и в то же время очень обобщенный и даже условный образ молодости, устремленной вперед, надеющейся и верующей. Отсюда его некоторая неопределенность, только намеченность. Сам ввод в поэму этого нового персонажа связан с новым решением главного вопроса, поставленного в «Кому на Руси жить хорошо». Этому персонажу просто нечего было делать в поэме, пока концепция поэмы не изменилась. Все, что сказано о Грише Добросклонове, начиная с черновых текстов, связано с новым, а не с прежним решением основного вопроса. Это новое решение — то же, какое дал Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?». Оба произведения были задуманы примерно в одно и то же время, ставили один и тот же вопрос — о возможности счастья в тогдашней России для людей из обеспеченных классов, исходили из одинакового понимания счастья, но решали поставленный вопрос противоположным образом: Чернышевский утвердительно, Некрасов отрицательно. Герои Чернышевского счастливы и субъективно — в собственном сознании, и объективно — в оценке автора. Счастливы тем, что разумно мыслят и разумно живут: честно, плодотворно, стремясь быть полезными народу и делать, что могут, для возможно большего числа людей и для будущего счастья человечества, не отказывая себе при этом ни в каких радостях — разумных, конечно. Чернышевский подчеркивает в романе, что его герои веселы и счастливы. И это постоянно отмечалось критикой. Н.Н. Страхов даже назвал свою статью о романе «Что делать?» — «Счастливые люди». Речь идет об обыкновенных, хотя и «новых», людях. Такое понимание счастья характерно не только для литературных персонажей. Вот, например, отрывок из письма Чернышевского к жене из сибирской каторги, в котором он говорит о своем отношении к своей судьбе:

«За тебя я жалею, что было так. За себя самого я совершенно доволен. Я думал о других — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитета моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их».

Счастье героев Чернышевского — это «счастье умов благородных». К пониманию возможности такого счастья приходит Некрасов в конце своей работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Гриша Добросклонов — человек счастливый и в своем сознании, и по оценке автора. Но если Некрасов мечтал продолжить и закончить поэму, Гриша Добросклонов и ему подобные должны были быть сведены с семью странниками и признаны счастливыми их решением.

Основной формальной связью между частями эпопеи является участие в действии семи странников. В первой части и в «Крестьянке» они спрашивают о счастье; в других частях опросов нет, но семеро крестьян остаются на сцене: они видят все или слышат обо всем, они свидетели происходящего, — «им дело до всего». Но в последней части «Пира на весь мир» («Доброе время — добрые песни») героем становится Гриша Добросклонов. Его песен странники не слышат.

Есть предел центробежности: линия Гриши должна была либо соединиться далее с линией странников, либо оторваться от нее и начать новую поэму о революционно

настроенном юноше и его дальнейшей судьбе. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» в этом случае, очевидно, была бы оборвана.

Но если бы это было так, мог ли бы Некрасов настаивать на печатании «Пира на весь мир», а не рассматривать его лишь как черновик? Мог ли бы он мечтать о таком продолжении поэмы, которое имеет в виду в письме к Малоземовой? Плеханов писал:

«... у Н. А. Некрасова выходило так, что весело и вольготно живется в России только тем представителям радикальной интеллигенции, которые жертвуют собою для народа: “Быть бы нашим странникам под родною крышею, / Если б знать могли они, что творилось с Гришею...” Но в том-то и дело, что странники, — крестьяне разных деревень, порешившие не возвращаться домой, пока не решат, кому живется весело-вольготно на Руси, — не знали того, что творится с Гришею, и не могли знать. Стремления радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Ее лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства».

Плеханов прав в своих рассуждениях о народниках и народе, но в данном случае важно, как смотрел на эти отношения Некрасов. Равнозначно ли в самом деле «если б знать могли они» и «если б понять могли они»? Если такое понимание Некрасов считал безнадежным, зачем ему было вводить в поэму образ Гриши Добросклонова и придавать ему такое значение? Для чего было в дальнейших частях выводить образы друзей народа, если они не могли быть признаны счастливыми судом народных представителей, которым с начала поэмы был поручен этот суд?

Прямые пропагандисты революции не могли иметь успеха в народе, но народники «оседлые», «мирные» могли рассчитывать на его сочувствие. И если Некрасов снял слова о революционном будущем Гриши Добросклонова («Ему судьба готовила / Путь славный, имя громкое / Народного заступника, / Чахотку и Сибирь») не только по цензурным соображениям, причиной снятия этих слов могло быть желание не уточнять характера будущей деятельности Гриши Добросклонова — именно потому, что она должна была получить сочувствие и одобрение народа.